

Она уже пятую машину подряд говорит себе, что следующая точно остановится, или та, что за ней, или следующая красная, или следующая белая, но с зеркальным номером, или следующая вообще какого угодно цвета, но начиная вот с этого момента. Но и эта, и следующая за ней проезжают мимо, как проходят минуты одна за другой, и тогда она перестает считать и решает поупражняться в саморазрушении. Каталина постигла эту формулу успокоения, когда ей пришлось научиться оставаться одной в больнице. Для нее это нечто вроде маленького жертвоприношения — способ задобрить живущее у нее внутри чудовищное создание, чтобы оно не показывалось наружу. Она знает разные способы утолить его голод: расковыривает заживающие ранки, которые сама же себе нанесла, обгрызает ногти, впивается зубами в подушечки пальцев, пока не появится вкус живой раны; еще она вырывает волосы из бровей, но в этом году собирается бросить, иначе это может перерасти в такую проблему, что скрывать последствия уже не получится. Иногда получается с трудом. Если выдеру сейчас два сразу, то скоро появится

машина, которая меня подберет, говорит она себе, а если не появится... а если не появится, тогда еще один волосок — и больше уже не буду. И темное создание слышит ее и позволяет сделать подношение, которое, в сущности, нужно не ему, а ей самой: у нее сейчас нет более верного способа почувствовать себя живой. Металлический вкус крови успокаивает и ободряет ее, заставляет сосредоточиться на этой боли, конкретной и близкой, и не думать о той, другой. Ее молодая кожа отрастает моментально, так что все известные ей возможности ранить себя всегда в ее распоряжении. Мама с папой заметили, но только бурчат, мол, прекращай так делать. Хотела бы она сказать им в ответ, чтобы сами бросали курить, и потом посмотреть, как они ничего не бросят. Так что она старается соблюдать видимость и следит за наносимым ущербом, чтобы ей не мешали предаваться этому занятию, которое по всем правилам считается пороком. Она надеется когда-нибудь бросить или хотя бы научиться контролировать свое пагубное пристрастие, чтобы ни родители и никто другой его не замечали, потому что она убеждена: самое главное — это как ее воспринимают окружающие.

А то, как ее воспринимает он, для нее особенно, даже чересчур важно. Она никогда раньше не замечала, чтобы кто-то относился к ней так серьезно. Он интересовался ее делами: что она читает, что собирается делать после окончания школы. «Будешь поступать в институт, как Сильвия? Еще не решила, что хочешь изучать? Приходи ко мне в любое время, поговорим — может быть, я что-то посоветую».

Поэтому зимой, собираясь в гости к подруге коротать вечер, делать уроки или просто бездельничать, она заранее придумывала целый список ответов на случай, если встретится с ним. Она тогда еще не замечала, что тон его вопросов менялся, когда никого больше не было рядом. Например, если Сильвия выходила на кухню за напитками, или в туалет, или поговорить по телефону. Тогда он, пользуясь случаем, заглядывал в комнату. Однажды он сказал: «У такой красивой девочки наверняка уже есть кавалер. Тебе нравится кто-то в классе?» Каталина, залившись краской, ответила, что нет, — а теперь ее мучает чувство вины, потому что она тогда через секунду добавила: «Не в классе». Она запоздало взвешивает те взгляды, которыми они обменивались, все более длинные, вплоть до того, что она, подняв голову, постоянно встречалась с ним глазами или обнаруживала, что он смотрит на ее губы — особенно на губы. Она до сих пор не разобралась, что произошло и насколько далеко это зашло, да и произошло ли что-то вообще. Все это как-то очень быстро, и она не разрешает себе об этом задумываться. Лучше уж впиваться в кожу на кончиках пальцев или в брови.

С некоторых пор машины ей перестали попадаться совсем. Она наконец сообразила, что после шести

вечера в воскресенье в августе* автобусы уже не ходят. Единственное, что ее теперь волнует, — не опоздать бы домой, хотя, учитывая, сколько сейчас времени, об этом и думать не стоит; во всяком случае, так говорит тиканье часов, обхвативших ее запястье. До десяти, времени ужина, еще долго. Но цикады отстукивают совсем другой ритм, больше похожий на порывистое биение ее сердца. Вечно она куда-то торопится, вечно беспокоится, вечно о чем-то переживает. Как Алисин кролик, говорит она себе и гадает, какое волшебное средство могло бы превратить ее обратно в ту девочку, которой она была еще совсем недавно. Она признает, что из сказочных героинь больше похожа на Алису, чем на мамину любимую Золушку, потому что дома ей надо быть куда раньше полуночи, да и туфлю сорок второго размера просто так не потеряешь.

Морщась от горького привкуса, Каталина вынимает грязные пальцы изо рта. К тому же она боится слишком сильно их прикусить — у нее немножко стучат зубы, она дрожит, несмотря на летний зной, но не из-за того, что произошло, а из-за того, что скоро произойдет, вернее, из-за того, что папа с мамой могут узнать о том, что скоро произойдет. Она не обращает внимания на мелкую дрожь внутри — она слишком озабочена болезненным

* В Испании август — традиционный сезон отпусков, когда многие организации работают в сокращенном составе или даже закрываются на весь месяц.

хрипом собственного дыхания, и тем, чтобы ее не обозвали шлюхой, и тем, чтобы ревностно оберегать те части тела, на которые даже сама не решается смотреть. Ей полагалось бы злиться, кричать, хотя бы плакать из-за того, что случилось всего-то час назад, но она не понимает, или не дает себе труда понять, или предпочитает не понимать. Вместо этого она ищет виноватых. Было бы кого искать, думает она, я же сама и виновата. Хорошо, тогда остается решить только две проблемы: во-первых, успеть домой к ужину, а во-вторых, больше не видеться с Сильвией. Нет, это слишком радикально, кто-нибудь что-нибудь заподозрит. Пока что достаточно не ходить к ней больше в гости. Или не ездить к ней в загородный дом. А если поеду, то не отходить от Сильвии ни на шаг. Во всяком случае, нигде не ходить там одной.

Лишить себя общения с подругой — так она себя наказывает. По-латыни «наказывать» будет *castigare* (это она выучила в этом году) — образовано от прилагательного *castus* и глагола *agere* и буквально означает «делать чистым». Ей нужно себя перекроить, переправить, переделать начисто, чтобы снова стать такой, какой она, кажется, была еще вчера. Стать прежней. Она думает, что на все ее вопросы можно найти ответ в античной культуре, начиная с ее собственного имени. Каталина, как давным-давно объяснял ей папа, — имя греческого происхождения, означает «чистая» и «непорочная». «Каталина, соответствуй своему имени, ведь тебя называли в честь святой», — говорили ей монахини в католической

школе*. А правильнее было бы наоборот, говорит она себе сейчас: сначала стань тем, кто ты есть, а потом пусть от твоего имени образуют какое-нибудь слово, как «эротика» от бога Эроса или «арахнид» от ткачихи Арахны. Она все-все знает про Гермеса, Афродиту, Ганимеда и Салмакиду, но ничего не знает о себе самой: например, что у нее появится легкая сыпь на подбородке, если один парень из старшего класса, едва ей знакомый, перестанет с ней разговаривать, или что у нее сведет мышцы, если учитель английского вызовет ее к доске больше чем на две минуты. А еще она не умеет отличать грусть от досады, страх от желания, влюбленность от восхищения. Но не одна она путается в собственных и чужих эмоциях — это она поняла благодаря отцу Сильвии. Единственное, что ей ясно, — это что внутри у нее копится злость, и ее накопилось уже столько, что если преобразовать ее в энергию, то можно было бы обеспечить электричеством всю страну. Каталина еще

* В Испании распространены католические школы, где общеобразовательная программа дополнена религиозным обучением. В первой половине 1990-х годов в Испании общее обязательное образование составляло восемь классов (с 6 до 14 лет). Далее можно было получать профессиональное образование (аналог наших ПТУ) или идти в среднюю школу, на так называемый бакалавриат, где учились три года; те, кто хотел поступать в высшие учебные заведения, после бакалавриата учились еще один год, в предуниверситетском классе. Каталина окончила восемь классов католической школы и теперь учится во втором классе бакалавриата.

не знает, что делать с этим чувством и как обратить его себе на пользу (если такое вообще возможно), поэтому глушит его, кормит его собственной кожей, волосами и ногтями, и оно растет себе потихоньку, надувается, как огромный шар, который может лопнуть в любой момент. Каталина даже не могла бы сказать точно, на кого направить эту злость: на тех, кто требует, чтобы она приходила домой не поздно, или на отца своей подруги. Но больше всего, разумеется, она злится на саму себя — за то, что в свое время не сказала того, что, как ей кажется, могла бы сказать. Она хранит в памяти бесконечную библиотеку с тысячами фраз в свою защиту, которые так и не произнесла: каждый раз она делает выбор в пользу молчания, точно зная, что будет, если она промолчит, и старается не думать о том, что могло бы произойти, дай она волю тому, что держит внутри, тому чудовищному созданию, которому она приносит в жертву свои заусенцы. Ее немая ярость состоит из болей в спине, в животе и в горле, из сердцебиений и обмороков, из какого-то древнего страха, который близок ей как друг или по меньшей мере как уже известный враг.

Она снова поднимает взгляд на окружающий пейзаж. Нетвердой рукой выводит название города печатными

буквами, со всей силы нажимая на ручку — паста в ней почти кончилась. В иных обстоятельствах Каталина порадовалась бы, что исписала ручку прежде, чем потерять или где-нибудь забыть — значит, хоть что-то довела до конца, — но в эту минуту, вся потная и дрожащая, она предпочла бы, чтобы ручка писала в полную силу. Последние буквы выходят почти бесцветной гравировкой на голубых клеточках. Вырвав лист из тетради, она замечает, что на обороте уже что-то написано. Она всегда пишет в тетрадке начиная с середины — дополнительная предосторожность на случай, если ее кто-то (мама) возьмет без разрешения, как мама берет ее письма, и сможет понять корявый почерк. Каталина нарочно так пишет, из вредности, и даже сама с трудом разбирает написанное. На вырванной странице оказался текст песни группы Nirvana. У Сильвии двоюродная сестра каждое лето ездит в Ирландию учиться по обмену, и иногда они ее просят записать слова песен на английском. Каталина выбрала именно эту, потому что ни Сильвия, ни она сама на слух почти ничего в ней не поняли, хоть у них и пятерки по иностранному. Но и после того как песню удалось перевести, понятнее она не стала. Сколько Каталина ни глядела в словарь, не могла сообразить, к чему в том куплете паяльная лампа. *To put out the blow torch**. Получается, будто песня про то, как мучают птицу, но этого быть не может — Курт Кобейн ведь на такое не способен. Каталина незнакома

* Чтобы потушить паяльную лампу (англ.). Здесь и далее в этом абзаце приводятся строки из песни «Polly» (1991).

с магией художественного повествования от первого лица и не знает, что «я» в тексте еще не означает, что описанные события непременно произошли с лидером группы; но она догадывается, что в этой песне слова важны, — не зря она каждый раз приводит ее в волнение. По крайней мере сейчас песня помогает Каталине отогнать страх. *Isn't me, have a seed. Let me clip your dirty wings. Let me take a ride, cut yourself**. Здесь она останавливается, потому что не просто понимает смысл, а чувствует интуитивно. *Want some help, please myself***.

Каталина убирает в рюкзак песню, которая служит ей якорем. Прежде чем закинуть рюкзак на спину, она достает оттуда огромную толстовку с капюшоном, белоснежную, без единого пятнышка, сияющую чистотой. Из рюкзака разлетаются комочки фольги из-под бутербродов, оставшиеся с середины учебного года. Следом показываются провода наушников от плеера, в котором пора менять батарейки, и клочок бумаги — он попал в складки толстовки и никак не решается упасть на землю. Она заталкивает провода глубже, подбирает и прячет в рюкзак скомканную фольгу и встряхивает толстовку, пока бумажка наконец не выпадает. Каталина рассеянно наблюдает, как та подлетает вверх, а потом плавно опускается на гравий в каком-то метре от ее ног. Она удостоверяется, что ветра нет и бумажку не сдует. «Сейчас подберу», — говорит она вслух. Но сперва толстовка.

* Это не я, вот тебе семя. Дай я подрежу твои грязные крылышки. Дай мне прокатиться, порежь себя (англ.).

** Помоги-ка мне получить удовольствие (англ.).

Каталина, выходя из дома, знала, что толстовка в такую жару не пригодится, но она новая — подарок друзей на день рождения, куда лучший подарок, чем детские часы у нее на левом запястье, купленные мамой, которая отказывается признать, сколько лет ее дочери; наверное, потому, что это заставляет ее вспомнить о собственном возрасте. Часы Каталина носит с самого дня рождения, а вот надеть толстовку еще ни разу не было случая. Ей не терпелось выгулять обновку. Толстовка доходит Каталине почти до колен, так что она не замерзнет — а ей холодно, несмотря на тридцать три градуса жары. В толстовке она чувствует себя более смелой, более подготовленной к тому, что собирается сделать, хоть и не знает пока, справится ли с задуманным и сколько времени на это уйдет. На дороге по-прежнему не видно ни одной машины. Эта неуверенность, это ожидание ужасают ее не меньше, чем само деяние. Нетерпеливо вглядываясь вдаль с обочины, она проникается сочувствием к миру, когда замечает на горизонте лужу. Она знает, что воды там быть не может — это только мираж, оптическая иллюзия, возникающая из-за перегретого асфальта, — но ее завораживает то, что в природе тоже существует обман. Ее утешает мысль о том, что не одна она врет без конца и края.

В новенькой толстовке она сияет, как большая снежинка, летящая с неба или готовая растаять на асфальте. Под толстовкой на ней старая черная футболка с рисунком и надписью *Blood Sugar Sex Magik** и хлопковые бермуды цвета хаки.

* Альбом рок-группы Red Hot Chili Peppers 1991 года.

Она с удовольствием носила бы шорты покороче, но мама запрещает ей выставлять все места напоказ. Футболка ей заметно велика — на пару размеров. Каталине нравится так ходить — как будто еще два защитных слоя поверх ее собственной скорлупы. Когда она перед выходом из дома мерила толстовку, мама сказала, что она выглядит нелепо и вообще похожа на те надувные фигуры, которые машут руками на ветру, — такие еще ставят иногда перед торговыми центрами. Зато про черные кеды, которые ей купили еще прошлым летом и которые уже начали протираться, мама ничего не сказала. Поглядев на свою обувь, Каталина снова видит на земле ту бумажку, выпавшую из рюкзака. Она уже успела про нее забыть. Теперь она узнает бланк с водяным знаком — Геракл и два льва. Каталина думала, что убрала его в ящик как сувенир из страны хороших новостей — страны, которая все чаще кажется безотрадной и замученной. Это направление от врача с последнего раза, когда она ходила на обследование. Ей разрешили забрать его на память. С тех пор прошло почти два года, значит, она уже три года ходит с одним и тем же рюкзаком, с которым будет ходить, пока ткань не станет тонкой, как папиросная бумага. К счастью для таких подростков, как Каталина, новое сейчас немодно. Еще несколько лет назад, в начальной школе, она постеснялась бы надеть что-то грязное, рваное или полинялое, но с апреля она, как и еще полкласса, жаждет хоть чем-нибудь походить на Курта Кобейна и убеждена, что он не показался бы на люди с новым рюкзаком — только с таким же грязным и старым, как ее,

штопанный-перештопанный мамой. А еще она попросила маму связать ей кардиган как у Сильвии, у той кардиган почти как у Кобейна, в котором он пел на концерте. Каталина хотела, чтобы и цвет был тот же самый, такой светло-коричневатый, но у мамы другие вкусы, так что она ей связала винно-красный и с отложным воротником. Каталина в нем смотрелась как старый дедок, но все равно зимой ходила в кардигане в школу с самым гордым видом. Для нее и кардиган, и поношенный рюкзак, и музыка, которую она слушает, — знаки принадлежности к субкультуре. Ее соплеменники носят прически и одежду, как у Курта Кобейна, чтобы еще хоть немного продлить ему жизнь, хоть мама и говорит, что она похожа на клоуна. Фанатеть от гранж-группы хорошо, потому что мальчишки тоже от них фанатеют, а вот сходить с ума по Алехандро Сансу, которого любят одни девчонки, — это несерьезно. Он и нравится-то им только потому, что ничем особым не выделяется, как бы девчонки ни кричали, ни прыгали и ни изрисовывали сердечками его фото, которыми обклеивают свои папки для тетрадей, неприкрыто демонстрируя, что им знакомо половое влечение. У Каталины на папке Курт Кобейн, и ей не нужно проявлять ни капельки фанатизма, потому что Nirvana из тех групп, которые девочек привлекают почти так же, как мальчиков. Это нейтральная территория — как та местность, где она сейчас находится.

Каталина отрешенно сворачивает в трубочку старое направление из поликлиники, чтобы не тянуть руки в рот. Руки у нее все грязные. Она до сих пор помнит свои ощущения

от того визита к врачу, вплоть до табачного запаха, свидетельствовавшего о том, что некоторые доктора по-прежнему курят в перерывах между пациентами, хотя курить на рабочем месте уже несколько лет как запретили. На потолке было желтое пятно ровно над столом, над тем местом, где раньше стояла пепельница. Каталина задумалась, куда он теперь прячет окурки, а доктор тем временем беседовал с ее мамой так, будто самой Каталины нет в комнате, потому что взрослые мужчины обычно не разговаривают с девочками; так уж заведено, что, если они обращаются к девочкам, значит, что-то неладно. Это ей совсем недавно доказал отец Сильвии. Он, наоборот, разговаривал с Каталиной, и смотрел ей прямо в лицо, и даже находил повод спросить ее мнение о своей рубашке, или галстукe, или пиджаке, таком невнятном, что по его поводу ничьего мнения точно не требовалось. Теперь-то она понимает, что он просто искал подтверждения своей физической привлекательности, но в тот момент он заставил Каталину поверить, будто ее мнение что-то значит в его мире, параллельном миру девочек-подростков. Доктор же тогда обращался только к маме, повернувшись к ней всем телом. Организм ее дочери в норме, несмотря на то, что у нее еще не пришли месячные. У одних девочек они начинаются раньше, у других позже. Не нужно так об этом беспокоиться. И в принципе не нужно больше приходить к нему по этому вопросу. С того дня Каталина сто раз «простывала», как выражается мама, — болела гриппом и простудой и температурила; когда у нее температура, это напоминает ей какую-то первобытную лихорадку,

затерянную в глубинах памяти: жар, который пробуждает у нее расплывчатые бредовые видения вроде зловещей пены розового цвета, не дающей уснуть, так что, закрывая глаза, она чувствует, как надуваются и синхронно лопаются пузыри, и это бурление не усиливается и не утихает, пока температура не спадет. Это всего лишь галлюцинация, как та иллюзорная лужа на дороге, и поэтому ей не противно. Еще Каталина страдает всякими другими недугами, о которых никто не любит говорить — никто, кроме Nirvana с песнями про *cut yourself*, — и которые на самом деле никак не связаны с поездками в больницу, составляющими немалую часть ее первых детских воспоминаний.

В конце прошлого года у нее наконец-то начались месячные, хотя Каталина задолго до этого делала вид, что они у нее уже есть; она слышала, как другие девочки обсуждают прокладки с крылышками и без них, и достаточно разобралась в вопросе, чтобы называть месячные в качестве оправдания, когда больше чем на минуту задерживалась в женском туалете в школе, — вместо того, чтобы признаться, что она просто какала. Как же страшно принять, что у нее есть кишки, как у всех остальных! Теперь, когда у нее на самом деле идут месячные, ей стало неловко признаваться и в этом, как девушке из той рекламы тампонов, где она гуляет с собакой и ей надо пройти мимо группы парней. Камера смотрит на нее их глазами и показывает самым крупным планом попу девушки, обтянутую шортами (такими, какие не разрешают носить Каталине), потом на несколько секунд все замедляется, даже гримасы парней, а в конце

девушка благополучно справляется с испытанием, набирает «проходной балл» и с торжествующей улыбкой идет дальше. Каталина далеко не один раз попадала в такую же ситуацию, но из-за толщины своих прокладок предпочитала перейти на другую сторону дороги или вообще повернуть назад.

В первый раз месячные у нее пошли ночью; перед сном она корчилась от боли на диване, ожидая, что мама повезет ее в неотложку, как раньше по любому пустяку. Но на этот раз мама только предложила ей ромашковый чай, а Каталина отказалась, потому что вкус напоминал ей о больнице. Наутро на простыне обнаружилось темное пятно, и мама заставила ее застирать трусы руками, прежде чем класть в машинку. Каталина совсем не обрадовалась тому, что такие муки придется испытывать настолько часто. И почему девочки в школе обсуждали только прокладки с тампонами и ничего не говорили про боль? Заговор у них, что ли, чтобы не пугать младших? Каталина гадала, мучаются ли они такой же болью, как она, диареей и коликами и какая у них кровь — красная или коричневая, как у нее. Как они справляются с болью в животе, в груди, в ногах, в спине? Обсуждать все это с мамой было немыслимо, и Каталина приняла как должное, что менструации всегда одинаковые и что у нее каждый раз так будет: пятно на трусах, а перед этим боль в животе, которая за день предупреждает о приходе месячных. Но у нее цикл с самого начала не подчиняется никаким правилам даже по ее собственному календарю: месячные начинаются и кончаются то так, то сак — не угадаешь, а боль иногда бывает через два дня

после того, как пойдет кровь. Каталина не понимает, как при месячных можно жить в обычном ритме с той же энергией, как в другие дни. А особенно ее обескуражило, что мама расхохоталась, стоило ей заикнуться о том, чтобы не идти в школу в таком состоянии.

Просто сходить в душ и смыть засохшую кровь с ног, только при этом постараться не намочить голову, иначе можно остаться дурочкой. Так велела мама, но Каталина не послушалась, потому что предпочла бы с того самого момента остаться дурочкой, а еще потому что мама была родом из деревни, где жили сплошь ведьмы и знахари, а их байки ей нравились, только если слушать их вечерами при свечах.

«Теперь ты стала женщиной», — сказала тогда мама, и Каталина прекрасно поняла, о чем речь, но решила, что фраза все равно дурацкая.

— А что, раньше была мужчиной?

— Раньше ты была девочкой.

Девочкой Каталина никогда себя не чувствовала: ее представление о девочках никак не вязалось с тем бременем, которое она ощущала внутри. Но и женщиной она вдруг себя не почувствовала, потому что не знала, как себя чувствуют женщины, хотя ей представлялось, что это более волнующе, чем быть девочкой. Она даже не чувствовала себя так, как, по ее мнению, должны чувствовать себя подростки, несмотря на то, что скачок роста у нее уже был. Предполагалось, что высокой она не вырастет — и гены, и ее болезнь, и врачи говорили то же самое, — но Каталина

вытянулась так, что уже стала на голову выше всех знакомых девочек. Ей приходится горбиться, чтобы поговорить с некоторыми из одноклассников, а две пары клешеных брюк, купленных в начале прошлого учебного года, теперь едва доходят ей до щиколоток. Двигается она неуклюже, как те надувные куклы, о которых говорит мама, и поэтому лето ей нравится больше — можно носить бермуды и не надо ходить в школу.

Она убирает направление от врача в карман рюкзака. Она помнит, как лежала в больнице, но довольно смутно, потому что тогда была совсем маленькой. Каталина не знает точно, сколько времени там провела. Две недели? Или месяц? Ей приходит в голову: а вдруг она долго лежала в коме, как бывает в кино, и такая высокая потому, что на самом деле она на три года старше, чем думает, и тогда в том, что недавно у нее произошло с отцом Сильвии, нет ничего страшного, ведь считается, что как раз такие волнующие вещи и происходят у взрослых женщин. Вот такая вот мелочь решила бы все ее проблемы. Каталина с радостью продолжила бы эту фантазию, в которой случайно оказывается совершеннолетней, но она знает, что это никак не повлияет на ее нынешнее положение: она потерялась в какой-то глуши и понятия не имеет, как вовремя попасть домой к ужину.

На дороге снова появляются машины — не поток, а так, тоненькая струйка, по одной через каждые пару минут. Каталина вытягивает правую руку почти перпендикулярно телу, выпрямляет ее и решительно поднимает большой палец. Она поедет автостопом. Она желает сама себе удачи, как будто возможность *благополучно* добраться до дома зависит от случая. В левой руке у нее вырванный из тетради листок — вдруг кто-то захочет отгадать, как в игре в виселицу, те буквы, которые она не смогла дописать из-за ручки. Каталина отвлекается размышлениями о том, почему игру называли именно так — почему не выбрали распятие, или электрический стул, или просто какой-нибудь обратный отсчет, чтобы отмечать истраченные попытки угадать слово; с каких пор повешение стало развлечением и зачем она в школе научилась этой игре со своими и чужими казнями. Смерть ее не развлекает, Каталина на дух не выносит те фильмы, в которых герой рубит головы налево и направо, но ей впечаталось в память лицо Лоры Палмер в обрамлении полиэтиленовой пленки. Ей не разрешают смотреть этот сериал, зато трейлер она уже выучила наизусть. Каталина никогда не видела по телевизору ничего настолько красивого, и, хотя иногда она думает о том, чтобы умереть (но не раньше, чем выполнит хотя бы несколько пунктов из списка, который тщательно составляет), она уверена, что ее труп не будет выглядеть так красиво, как в «Твин Пиксе». Единственный способ самоубийства, который она для себя видит, — это выброситься из окна. Она живет на четвертом этаже, так что если упадет головой вниз,

то лицо будет разбито до неузнаваемости. Придется его восстанавливать с помощью грима. Каталина воображает похороны, на которые придет весь класс, и никто не сможет отличить ее от остальных мертвых девушек из ужастиков, которые она так не выносит. Если бы ей хватило смелости прыгнуть из окна, она оставила бы предсмертную записку. Только не о том, почему это сделала, а о своем последнем желании — чтобы ей лицо оставили как есть. Тогда мама еще больше будет недовольна, она ведь старается вдолбить Каталине, что быть красивой очень важно и что это ее обязанность. У Каталины непримечательное лицо: не то чтобы в нем был какой-то изъян, просто черты в сочетании друг с другом ни о чем не говорят, и поэтому мама настаивает, что ей надо *чутьочку привести себя в порядок*. «У тебя хороший рост, и тебе повезло иметь стройную фигуру, — говорит ей мама. — Если перестанешь горбиться и начнешь следить за собой, сможешь пойти в модели — только надо тебе научиться ходить на каблуках и отрастить длинные волосы».

Волосы — это для мамы самое главное. Прошлой зимой она даже купила Каталине щипцы со специальными насадками, чтобы можно было их и завивать, и выпрямлять. Пару лет назад волосы у Каталины начали меняться, и теперь их не расчешешь — приходится лезть с гребешком в душ и распутывать под тонкой струйкой воды. Мама, у которой волосы такие же, научила Каталину, что надо обернуть голову полотенцем и закрутить его набок, немного подождать, потом закрутить на другую сторону, и так пока они не высохнут. Но у Каталины они даже за два часа

не высыхали полностью и только начинали пушиться, так что она обычно делала низкий хвостик, а если собиралась сидеть дома, что бывало нередко, то надевала шерстяную шапку, чтобы прижать самые буйные локоны. Щипцами она пользовалась всего пару раз — они волосы сжигают. Шевелюра у нее с каждым днем делается все более кучерявой и непослушной, но ей, разумеется, не хотелось бы умереть с такой короткой стрижкой, как сейчас: вдруг она вернется с того света, а привидение или зомби выглядит куда страшнее, когда у него длинные спутанные волосы. Наверное, поэтому Каталина в последнее время не так часто фантазирует о собственных похоронах; с такими волосами она скорее вызовет жалость, чем страх. Но все-таки она много думает о смерти и о том, чтобы находить красоту в грязном и низменном. Как раз из-за этого она и упустила последний автобус, на котором могла доехать до города.

По пути к остановке она наткнулась на собаку. Та валялась на боку с закрытыми глазами и раскрытой пастью и не двигалась. Каталине не было ни страшно, ни противно, но и слишком близко подходить она не стала. Только подобрала палочку, чтобы потрогать животное и убедиться, что ничем не может ему помочь. Она села на корточки рядом с собакой, подвинула ее палочкой и увидела, как собачий живот в одном месте сдувается, как будто она хуеет на глазах. Каталина вспомнила про трех девочек, которых последние месяцы постоянно показывали по телевизору. Эти девочки помогли ей окончательно понять, что смерть — это ужасающий финал всего, что, умирая, — исчезаешь,

пересташь функционировать, пересташь быть. Однако тут, глядя на собаку и десятки мух, вьющихся около ее морды, она пришла к другому выводу: да, мы перестаем быть в одном смысле, но в другом — нет (как же повезло ее родному испанскому, что в нем два глагола со значением «быть» — *ser* и *estar*!), и что собака мертва, но при этом *есть*, а исчезнет, только когда разложится. Хотя это просто фигура речи, потому что разложиться не значит исчезнуть: разложиться значит разделиться на части. Тело собаки дает кров и пищу другим существам, оно продолжает функционировать и после смерти, продолжает быть если не в одном, то в другом смысле, и, наверное, два глагола «быть» — все-таки не преимущество, а недостаток.

Заметив собаку, Каталина сразу огляделась в поисках следов, ведь след — это тоже часть тела, хоть и отдельная от него, и она тоже меняется и разлагается. Эта мертвая собака, попавшаяся ей на дороге, еще какое-то время пробудет не только на этом маленьком кусочке пространства, но и во всем, что успела съесть, потрогать, облизать, обнюхать с тех пор, как появилась на свет. Каталина не заметила бы ее, если бы мухи, кружившие около, не жужжали так громко. Ей пришло в голову, что так должна звучать смерть — как рой живых существ, как дребезжание гитары с выкрученными на максимум усилителями, как сотни парней и девушек, отрывающихся под «Smells Like Teen Spirit»*, и сам подростковый дух, который после уроков

* «Пахнет подростковым духом» (англ.).

физвоспитания отдает луком. Вонь совсем иного рода, чем тут, — вонь жизни. Ощутив запах гниения, Каталина тоже унесла с собой, в носу, частичку мертвой собаки. Как легко, оказывается, умирать вот так, зная, что никто никуда не исчезает, что тела просто рассеиваются вокруг, преобразуются и непрерывно смешиваются друг с другом, что смерть — лишь очередной процесс трансформации тела или самый щедрый этап в цикле нашей жизни. «Мы начинаем умирать с самого момента зачатия», — сказала Каталина мертвой собаке, но философского просветления хватило ненадолго. Снова проведя палочкой по собачьей спине, она вспомнила, как мужские руки гладили ее по коротким волосам, как его пальцы спустились от затылка к шее, как ей хотелось позволить отцу подруги обнять ее, вспомнила, как шепнула ему на одном дыхании: «Я насовсем осталась бы тут жить с вами всеми». Услышав «всеми», он мог бы догадаться, что, возможно, неправильно истолковал все эти знаки — то, как она на него смотрела, когда они посадили семена, или как по-детски смеялась над самыми дурацкими его шутками, или как постоянно приходила к ним в гости делать уроки вместе с Сильвией, — но он не пожелал остановиться, а приблизил лицо к лицу Каталины, прижал губы к губам Каталины, взял своей рукой руку Каталины... Нет, хватит. Первое слово, которое она после всего этого выдавила из себя, не открывая рта, было «предательство», хотя кто ее предал, она и сама не знала. В тот момент ей хотелось исчезнуть, испариться, пропасть. Но мертвая собака вернула ее к реальности, заставила вновь почувствовать себя живой.

Если бы Каталине предложили суперсилу, она выбрала бы умение останавливать время — чтобы никогда не опаздывать домой; она одна могла бы двигаться, а все остальные стояли бы на месте; и ничего, что эта способность сократит ей жизнь, — все равно ведь, если останавливать время, ее последний час настанет раньше, чем у остальных. Мысль о смерти ей не чужда: папа с мамой тыкают ее в это носом с тех пор, как ее впервые выписали из больницы. Тем более что она, как любая девочка-подросток, знает, что ее подстерегает куда больше смертельных опасностей, чем мальчика. Однако, невзирая на все усилия родителей, телевизора и вообще всего мира, где надо следить за каждым своим шагом, Каталина так и не разбирается, что или кто конкретно может ей угрожать. Она привыкла действовать импульсивно и потом сбегать из любой ситуации, как совсем недавно, не способная ни настоять на своем, ни даже повысить голос, ни в целом совладать со своим телом. Ей удалось только убежать прочь после нескольких минут ступора, которые сейчас кажутся бесконечно долгими. Поэтому она теперь оказалась одна в ожидании какого-нибудь шанса, который спасет ее шкуру, как уже бывало столько раз, ведь до этого момента весь ее опыт говорил о том, что она понятия не имеет, как предохранить себя от проблем, но, так или иначе, сумеет из них

выкрутиться. Ее особый дар — это удача, та самая, которой она себе желает, чтобы поймать машину на дороге; та самая, что помогла ей, когда она в начале прошлого лета залезла на чужой участок.

Каникулы тогда только-только начались. Она гуляла с четырьмя мальчиками, с которыми познакомилась вне школы. Каталина еще не оказалась в одном классе с Сильвией и Гильермо. Мальчики уговорили ее пойти с ними, сказав, что в том доме живет двоюродный брат одного из них. Дом был огромный, белого цвета, и стоял посреди внушительного участка с бассейном. Увидев его вблизи, она еще подумала, что вряд ли может быть знакома с людьми, которые живут в таком красивом доме. Несколько минут они просто ошивались вокруг участка, и только когда мальчики тихо-тихо полезли через забор за домом, Каталина заподозрила, что никакого брата, пожалуй, и нет. Но все-таки полезла следом. Развалившись на лужайке, они достали из рюкзаков пиво. Она глотнула из литрашки, но только разок: пиво она не любила, тем более оно согрелось и горчило. Поначалу они шепотом напоминали друг другу, что нельзя ничего трогать или подходить к дому, а то сработает сигнализация, но потом двое сняли кроссовки, уселись на бортик бассейна и опустили ноги в воду. Еще один мальчик тоже разулся, но остался сидеть рядом с Каталиной. Он как раз ей нравился больше других; они почти не разговаривали, может, поэтому с ним было легко. Мальчики, мочившие ноги в бассейне, что-то со смехом ему крикнули, но Каталина не стала слушать

и немедленно выбросила из лобной доли то, что все-таки уловил ее слух, как будто они говорили на другом языке. Тот, что сидел с ней, поднялся и тоже пошел к бассейну, а ее не позвал. Она так и не решилась снять кеды (тогда еще новые, без единого намека на дырку). Наконец повисла полная тишина, как будто на всех вдруг накатила тоска — как будто все они надеялись, что у них в жизни произойдет что-то более интересное, как будто ждали чего-то другого, когда решили забраться на чужой участок. Последний мальчик, единственный, который не разувался, углядел в траве баскетбольный мяч и пошел с ним ближе к дому, туда, где не было газона. Остальные просто наблюдали, как он бросал мяч об землю, а потом изобразил, будто закидывает его в баскетбольную корзину. Каталина, так и не спросившая ни о мнимом брате, ни о том, что они вообще тут забыли, встала и произнесла свое первое слово с того момента, как оказалась на участке: «Пойдемте». Те трое, что были у бассейна, вытащили ноги из воды и стали их сушить, перед тем как обуться. Прислушиваются к моим желаниям, подумала Каталина и почувствовала себя очень важной, но тут один из ребят спустил штаны и принялся мочиться в бассейн. Еще один последовал его примеру. «Пойдемте», — повторила она громче, чтобы мальчик с мячом тоже услышал. Тот глянул на нее, замахнулся мячом в ее сторону, и она неохотно расставила руки, чтобы его поймать. В последний момент мальчик развернулся и со всей силы запустил мяч в самое большое окно дома. Стекло не разбилось, а грохот удара потонул

в визге сигнализации. Так разом было покончено со зло-
счастной тишиной, которую Каталина безуспешно пре-
рывала своими словами. Теперь ребята вскарабкались
на трехметровый забор с куда большей поспешностью,
чем по пути сюда. Услышав лай нескольких собак, они
заподозрили, что в соседних домах, несмотря на сезон
отпусков, кто-то мог быть. Там тоже заорала сигнализа-
ция, будто шум передавался подобно вирусу, к ней присо-
единились крики соседей, грозивших вызвать полицию.
Их приняли за воров. Взрослых воров. Четверо мальчи-
шек ловко перемахнули через забор, как будто всю жизнь
только этим и занимались. Каталине же, которая бегала
медленно, через трехметровые заборы до этого не лазила
и вообще могла целый день просидеть, не вставая с места,
пришлось приложить небывалые усилия, лишь бы убраться
оттуда поскорее, и она чуть не сломала лодыжку, неуклюже
спрыгнув с такой высоты. Приземлившись по ту сторону
забора, она не сразу смогла пошевелиться и только смо-
трела, мучаясь от боли, вслед убегающим вниз по улице
мальчишкам, пока они не скрылись из виду.

В то время она считала их своими друзьями и всюду
ходила с ними, как в книжках Энид Блайтон, хотя сама
не понимала, кто она — Джордж или песик Тим*. Каталина
познакомилась с ними за несколько месяцев до этого

* Персонажи серии детских детективов Энид Блайтон «Велико-
лепная пятерка»: девочка Джорджина (которая любит мальчи-
шеские развлечения, носит короткую стрижку и предпочитает,
чтобы ее сокращенно называли Джордж) и ее собака.

на дополнительных занятиях для отстающих. Она как-то сразу с ними сошлась и начала впутываться в истории, которые ей на самом деле совсем не нравились, вроде того, чтобы скинуться на универсальный пульт для телевизора и ходить по барам, переключая каналы посреди футбольного матча, или воровать чипсы из бакалеи. Мальчишки постоянно находили новые дурацкие затеи. Каталина видела свое участие в этих безумных приключениях как некий обряд посвящения; она жаждала быть частью чего-то большего, стать единым целым с ними — с парнями из другого района, которые писают в чужие бассейны и ходят друг к другу в гости смотреть фильмы, когда родителей нет дома.

Однажды зимой, вскоре после знакомства, мальчики позвали ее посмотреть кино. Она с радостью согласилась, вообразив тихий вечер, когда они никого не будут донимать, а спокойно посидят перед телевизором, греясь у электрокамина. Она была не единственная девочка, которую пригласили: пришла еще соседка, чуть постарше них. Каталина впервые оказалась в доме у мальчика, и это было историческое событие — раньше она дружила только с девочками, впрочем, как и большинство учениц в женских начальных школах. Ее школа была из тех, где полагается ходить в форме и молиться перед началом урока. Там не было ни одного мальчика, но все наперебой старались им подражать, лишь бы заполучить главные роли в школьном театре, так что одна учительница в конце концов решила переделать все пьесы, чтобы там были только женские роли. «Девочка-с-пальчик», «Храбрая портняжка», «Кошка в сапогах».

В гостях у мальчика Каталина с любопытством оглядывала все вокруг, выискивая сходство с собственным домом. Перед ней была гостиная, увешанная разномастными семейными фотографиями. Все остальное, кроме этих фотографий, было бежевое, только разных оттенков: стены — светло-бежевые, кресла — темно-бежевые, стулья того же цвета, что и кресла, шторы — просто бежевые. Два дивана, тоже бежевые, были составлены под прямым углом друг к другу напротив телевизора, поменьше размером, чем дома у Каталины, а между диванами стоял маленький круглый столик с жаровней для обогрева ног, накрытый бежевой бархатной скатертью. Еще один диван, самый большой, стоял вдоль стены, а дальше был проход в коридор, ведущий к спальням. Над ним висели громадные фотографии первого причастия. Это ее не удивило — дом был очень похож на ее собственный, только с тем отличием, что у них фотографии с первого причастия Паблито занимали больше места на стене, чем Каталинины.

Соседка облюбовала себе кресло в сторонке, двое мальчиков сели на один диван, двое на второй, а Каталина устроилась одна на оставшемся. Ребята стали обсуждать, какой фильм посмотреть; все названия напоминали Каталине те переделанные пьесы с женскими ролями, которые придумывала ее учительница в начальной школе. Наконец мальчики, пересмеиваясь, определились с выбором и поставили кассету. Соседка то и дело возмущалась — что за гадость они смотрят.

Каталина не возмущалась, но потихоньку сползала по дивану, пряча из виду груз ответственности — свое

тело, — пока за столиком с тяжелой скатертью не скрылось все, кроме головы. Она никогда раньше не видела ничего подобного и понимала не все из того, что происходило на переднем плане; ее зачаровала механика однообразных движений. Одним глазом она смотрела на экран, а другим — на мальчиков на диване под фотографиями с первого причастия. Они заслонились большой подушкой как ширмой, каждый придерживал ее одной рукой, а свободной, похоже, мастурбировал. Каталина задумалась, как это мальчикам удастся вот так легко настроиться на разврат и завестись с пол-оборота. Она такой способностью не обладала и даже сомневалась, есть ли у нее вообще либидо; и фильм никакого желания у нее тогда не вызывал — это было бы все равно что возбудиться, наблюдая за работой машины, которая делает сахарную вату. Однако лицо у нее стало как раз такого ярко-розового цвета.

Соседка, заметив, чем заняты мальчики под прикрытием подушки, потребовала, чтобы они прекратили; те игнорировали ее жалобы, пока она не произнесла ключевые слова:

— Вы как педики, дрочите тут все вместе в одной комнате.

Один из них заступился за мужскую честь, отметив, что в комнате и девочки есть, но соседка моментально уколола его в ответ:

— А я сейчас уйду. Меня от вас тошнит, а подружка ваша — вообще мужичка.

Тогда мальчики остановились, застегнули ширинки, выключили телевизор и поспешили направить разговор

в такое русло, чтобы не подвергать сомнению свою гетеросексуальность. Например, обратить внимание на пылающее лицо девочки, утонувшей в диване. Кое-кто расхохотался, глядя на нее.

— Это из-за жаровни, — стала оправдываться Каталина.

— Так мы ее не зажигали. — Снова смех. — Ты что, порнушку никогда не видела?

После обличительных речей по поводу ее неопытности все пошли на улицу и больше не возвращались к этой теме, как будто ничего и не было, как будто Каталина не услышала в свой адрес характеристику, которая в тот момент ей показалась полезной: она решила, что про «мужичку», как про девчонку-сорванца Джордж из «Великолепной пятерки», уж точно никто не скажет, что она такая же, как остальные девчонки, и что теперь она выгодно отличается от занудной соседки, которой лишь бы чем оскорбиться. Но, конечно, она ни за что не смогла бы даже пописать при этих мальчиках, не то что мастурбировать. Ей неловко было осознавать, что у нее не такое тело, как у них. Что она будет делать, когда наступит лето и ей придется волей-неволей появиться перед ними в купальнике? Выяснить не пришлось: несколькими месяцами позже, когда они забрались на тот участок с бассейном, мальчики обратили внимание, что в майке заметно, как у нее подросла грудь. Разувшись и расслабившись, они, будто Каталины там не было, стали обсуждать, как у нее тряслись сиськи, когда она лезла через забор. Один из ребят тогда вынес вердикт, что мужичка ничего такая и он бы ей вдул.